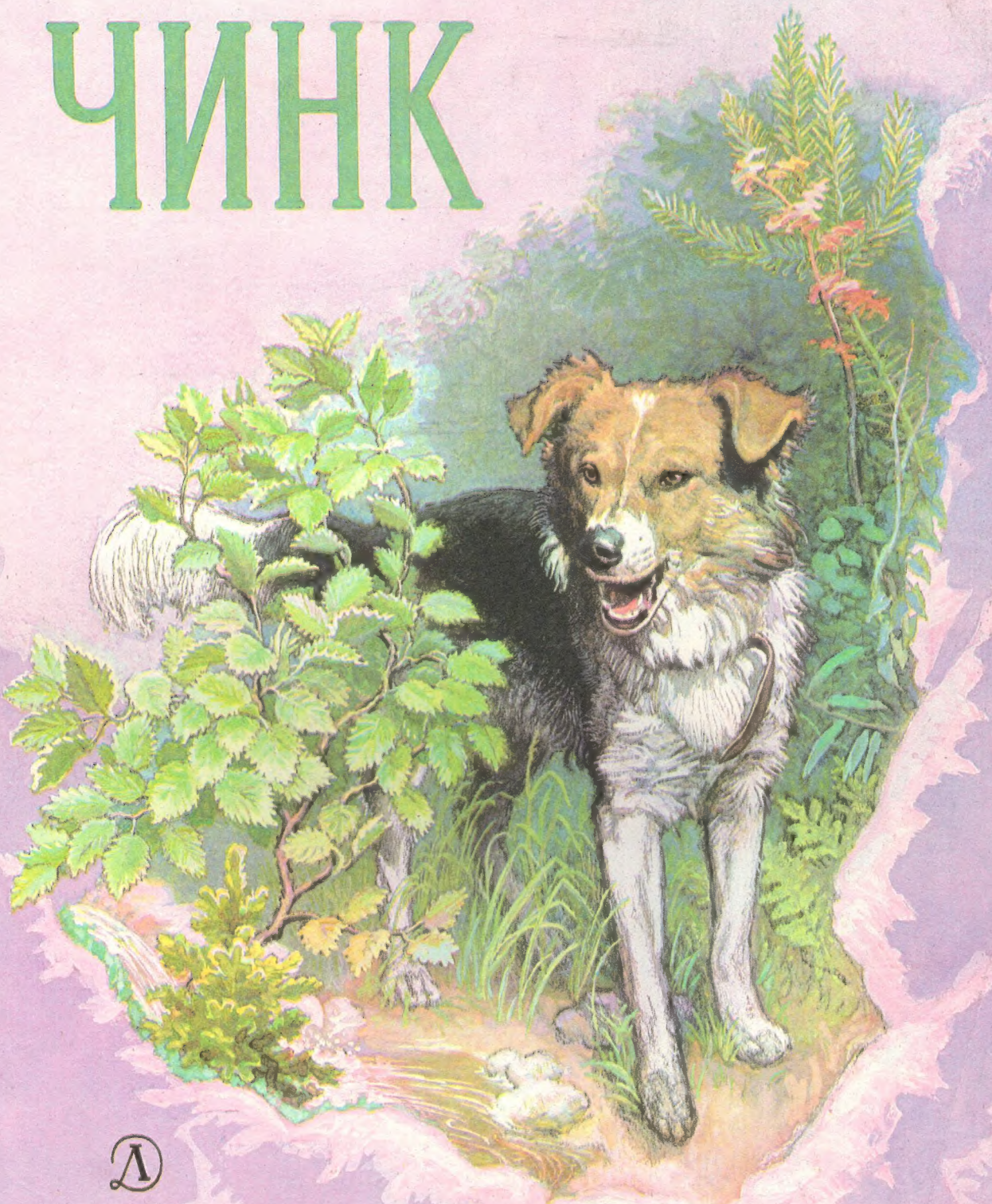
Э. СЕТОН-ТОМПСОН

ЧИНК



Э.СЕТОН-ТОМПСОН

ЧИНК

РАССКАЗ

Перевод с английского
Н.ЧУКОВСКОГО

Рисунки
В.ГОРЯЧЕВА

МОСКВА · ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА · 1986

И (Канад)
С33

С 4803020000—002 518—86
М101(03)86

© Рисунки.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1986 г.

I

Чинк был уже таким большим щенком, что считал себя замечательной взрослой собакой — и правда замечательным он был, но совсем не таким, каким воображал. Он не был ни свиреп, ни даже внушителен с виду, не отличался ни силой, ни быстротой, но зато был одним из самых шумливых, добродушных и глупых щенков, какие когда-либо грызли сапоги своего хозяина. Его хозяином был Билл Обри, старый горец, живший в то время под горой Га́рнет, в Йеллоустонском парке. Это очень тихий уголок, далеко в стороне от путей, излюбленных путешественниками. И то место, где Билл разбил свою палатку, можно было бы признать одним из самых уединенных человеческих обиталищ, если бы не мохнатый, вечно неугомонный щенок Чинк.

Чинк никогда не оставался спокойным хотя бы в течение пяти минут. Он охотно исполнял все, что ему велели,

кроме одного: сидеть спокойно. Он постоянно пытался проделывать самые нелепые и невозможные штуки, а когда брался за что-нибудь обыкновенное и легкое, неизменно портил все дело какой-нибудь выходкой. Однажды, например, он провел целое утро в напрасных попытках вскарабкаться на высокую прямую сосну, в ветвях которой он увидел белку.

В течение нескольких недель самой заветной мечтой Чинка было поймать суслика.

Суслики во множестве жили вокруг палатки Билла. Эти маленькие животные имеют обыкновение усаживаться

на задние лапы, выпрямившись и плотно сложив передние лапки на груди, благодаря чему издали их можно принять за колышки. Вечером, когда нам надо было привязать лошадей, мы нередко направлялись к какому-нибудь суслику, и ошибка выяснялась только после того, как суслик исчезал в норе с задорным писком.

Чинк в первый же день своего прибытия в долину решил непременно поймать суслика. Как это за ним водилось, он сразу же натворил много разных глупостей. Еще за четверть мили до суслика он припадал к земле и полз на

брюхе от кочки до кочки не меньше ста шагов. Но скоро его возбуждение достигало такой степени, что он, не стерпев, вскакивал на ноги, шел напрямик к суслику, который уже сидел возле норы, отлично понимая, что происходит. Через минуту Чинк бросался бежать, и именно тогда, когда ему следовало красться, он забывал всякую осторожность и с лаем бросался на врага. Суслик сидел неподвижно до самого последнего момента, затем, внезапно пискнув, нырял в нору, бросив задними лапками целую горсть песку прямо в открытую пасть Чинка.

День за днем проходил в таких бесплодных попытках. Однако Чинк не унывал, уверенный в том, что настойчивостью он своего добьется. Так оно и случилось.

В один прекрасный день он долго и тщательно подкрадывался к очень большому суслику, проделал все свои нелепые штуки, завершив их яростной атакой, и действительно схватил свою жертву — только на этот раз оказалось, что он охотился за деревянным колышком. Собака отлично понимает, что значит очутиться в дураках. Всякому, кто в этом сомневается, следовало бы посмотреть на Чинка, когда он в тот день смущенно прятался позади палатки, подальше от посторонних глаз.

Но эта неудача ненадолго охладила Чинка, который был от природы наделен не только пылкостью, но и порядочным упрямством. Ничто не могло лишить его бодрости. Он любил всегда двигаться, всегда что-нибудь делать. Каждый проезжающий фургон, каждый всадник, каждый пасущийся теленок подвергались его преследованию, а если ему на глаза попадалась кошка с соседнего сторожевого поста, он считал своим священным долгом перед солдатами, перед ней и перед самим собой гнать ее домой как можно скорее. Он готов был по двадцать раз на день бегать за старой шляпой, которую Билл обыкновенно забрасывал в осиное гнездо, командуя ему: «Принеси!»

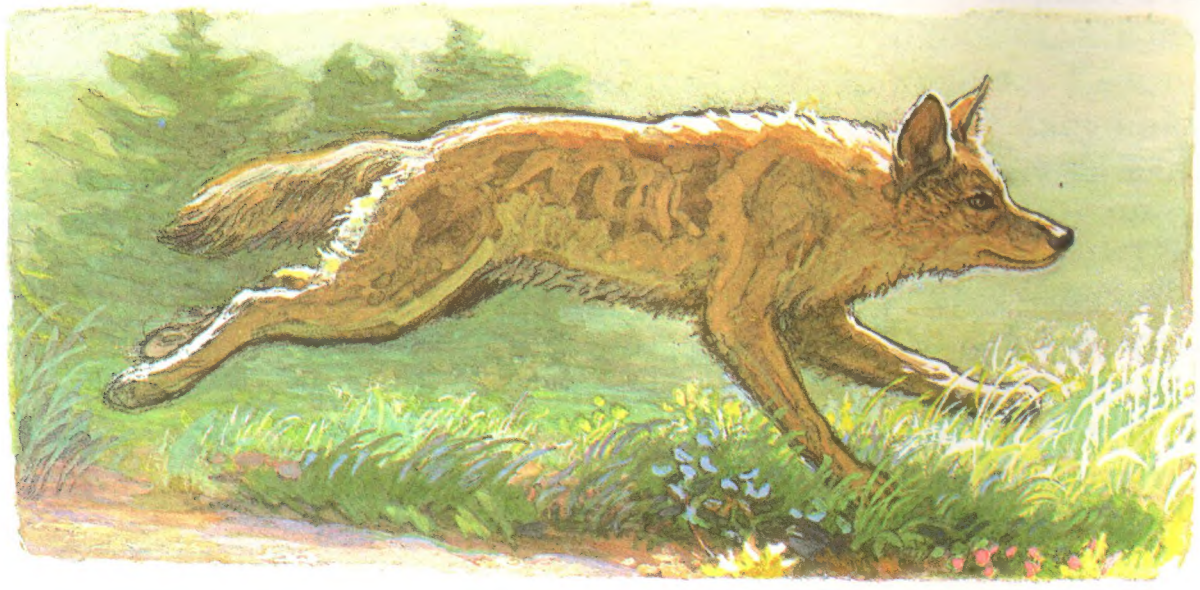
Понадобилось много времени, для того чтобы бесчисленные неприятности научили его умерять свой пыл. Но мало-помалу Чинк понял, что у фургонов есть длинные

кнуты и большие злые собаки, что у лошадей на ногах есть зубы, что у телят есть матери, чьи головы снабжены крепкими дубинками, что кошка может оказаться скунсом, а осы — вовсе не бабочки. Да, на это понадобилось время, но в конце концов он усвоил все, что следует знать каждой собаке. И постепенно в нем стало развиваться зерно — пока еще маленькое, но живое зернышко собачьего здравого смысла.

II

Все нелепые промахи Чинка были словно воссоединены в нечто единое, и его характер обрел целостность и силу после промаха, увенчавшего их все,— после его стычки с большим койотом. Этот койот жил недалеко от нашего лагеря и, по-видимому, как и прочие дикие обитатели Йеллоустонского парка, прекрасно понимал, что находится под защитой закона, который запрещал здесь стрелять, охотиться и ставить ловушки или как-нибудь иначе вредить животным. К тому же он жил как раз в той части парка, где был расположен сторожевой пост и солдаты зорко следили за соблюдением закона.

Убежденный в своей безнаказанности, койот каждую ночь бродил вокруг лагеря в поисках отбросов. Сначала я находил только его следы, показывавшие, что он несколько раз обходил лагерь, но не решался подойти ближе. Потом он начал распевать свою заунывную песню тотчас после захода солнца или при первых проблесках утра. И, наконец, я начал находить его четкие следы около мусорного ведра, куда каждое утро выходил посмотреть, какие животные побывали там в течение ночи. Осмелев еще больше,



он стал иногда подходить к лагерю даже днем, сначала робко, затем с возрастающей самоуверенностью; наконец, он не только посещал нас каждую ночь, но и целыми днями держался поблизости от лагеря и то пробирался к палаткам, чтобы украсть что-нибудь съедобное, то восседал на виду у всех на соседнем пригорке.

Однажды утром, когда он таким образом сидел шагах в пятидесяти от лагеря, один из нашей компании в шутку сказал Чинку: «Чинк, ты видишь этого койота, который смеется над тобой? Пойди прогони его!»

Чинк всегда исполнял то, что ему говорили. Желая отличиться, он бросился в погоню за койотом, который пустился наутек.

Это было великолепное состязание в беге на протяжении четверти мили, но оно и в сравнение не шло с тем, которое началось, когда койот повернул и бросился на своего преследователя. Чинк сразу сообразил, что ему несдобровать, и во всю прыть пустился к лагерю. Но койот бегал быстрее и скоро настиг щенка. Куснув его в один бок, потом в другой, он всем своим видом выразил полное удовольствие.

Чинк с визгом и воем мчался что было мочи, а его мучитель преследовал его без передышки до самого лагеря.

Стыдно сказать, но мы смеялись над бедным псом заодно с койотом, и Чинк так и не дождался сочувствия. Еще одного такого опыта, только в меньших размерах, оказалось вполне достаточно для Чинка: с тех пор он решил оставить койота в покое.

Но зато сам койот нашел себе приятное развлечение. Теперь он каждый день слонялся около лагеря, великолепно зная, что никто не осмелится в него стрелять. К тому же замки всех наших ружей были опечатаны правительственным агентом, а кругом всюду была охрана.

Койот следил за Чинком и выискивал возможность его помучить. Щенок знал теперь, что стоит ему отойти на сто шагов от лагеря, койот окажется тут как тут и начнет кусать и гнать его назад до самой палатки хозяина.

Это продолжалось изо дня в день, и наконец жизнь Чинка превратилась в сплошное мучение. Он больше уже не смел отходить один на пятьдесят шагов от палатки. И даже когда он сопровождал нас во время наших поездок по

окрестностям, этот нахальный и злобный койот следовал за нами по пятам, выжидая случая поиздеваться над бедным Чинком, и портил ему все удовольствие от прогулки.

Билл Обри перенес свою палатку на милю от нас выше по течению реки, и койот почти перестал посещать наш лагерь, так как переселился на такое же расстояние вверх по течению. Как всякий хулиган, не встречающий противодействия, он становился день ото дня нахальнее, и Чинк постоянно испытывал величайший страх, над которым его хозяин только подсмеивался.

Свой переезд Обри объяснил необходимостью отыскать лучшее пастбище для лошади, но вскоре выяснилось, что он просто искал одиночества, чтобы без помехи распить бутылку водки, которую где-то раздобыл. А так как одна бутылка не могла его удовлетворить, то на другой же день он оседлал коня и, сказав: «Чинк, охраняй палатку!», ускакал через горы к ближайшему кабаку. И Чинк послушно остался, свернувшись клубочком у входа в палатку.

III

При всей своей щенячьей глупости Чинк был сторожевым псом, и его хозяин знал, что он будет исправно исполнять свои обязанности по мере сил.

Во второй половине этого дня один проезжавший мимо горец остановился, по обычаю, на некотором расстоянии от палатки и крикнул:

— Послушай, Билл! Эй, Билл!

Но, не получив ответа, он направился к палатке и был встречен Чинком самым подобающим образом: шерсть его

ощетинилась, он рычал, как взрослая собака. Горец понял, в чем дело, и отправился своей дорогой.

Настал вечер, хозяин все еще не возвращался, а Чинка начал мучить сильный голод. В палатке лежал мешок, а в мешке было немного копченой грудинки. Но хозяин приказал Чинку стеречь его имущество, и Чинк скорее издох бы с голоду, чем притронулся к мешку.

Терзаемый голодом, он осмелился наконец покинуть свой пост и стал бродить невдалеке от палатки в надежде поймать мышь или найти что-нибудь съедобное. Но тут на него внезапно напал его мучитель койот и заставил бежать обратно к палатке.

Но там в Чинке произошла перемена. Он помнил о своем долге, и это придало ему силы, подобно тому как крик котенка превращает робкую кошку-мать в яростную тигрицу. Он был еще только щенком, глуповатым и нелепым, но в нем жил твердый характер, который должен был развиться с годами. Когда койот попытался последовать за ним в палатку — палатку его хозяина,— Чинк забыл свои страхи и набросился на врага, грозный, словно маленький демон.

Всякий зверь знает, когда он прав, а когда неправ. Моральное преимущество было на стороне испуганного щенка, и койот попятился, злобно рыча и обещая разорвать щенка на куски, но все-таки не осмелился войти в палатку.

И началась настоящая осада. Койот возвращался каждую минуту. Расхаживая вокруг, он скреб землю задними лапами в знак презрения и вдруг опять направлялся прямо ко входу в палатку, а бедный Чинк, полумертвый от страха, мужественно защищал имущество, вверенное его охране.

Все это время Чинк ничего не ел. Раза два в течение дня ему удалось выбежать к протекавшему рядом ручью и напиться, но он не мог так же быстро раздобыть себе пищу. Он мог бы прогрызть мешок, лежавший в палатке, и поесть грудинки, но он не смел тронуть то, что ему доверили охранять. Он мог бы, наконец, улучить минуту и, оставив свой

пост, сбегать в наш лагерь, где, конечно, его бы хорошо накормили. Но нет, беда превратила его в настоящего сторожевого пса, и он должен был оправдать доверие хозяина во что бы то ни стало, был готов, если нужно, умереть на своем посту, в то время как его хозяин пьянствовал где-то за горой.

Четыре мучительных дня и четыре ночи провел этот маленький героический пес, почти не сходя с места и стойко охраняя палатку и хозяйское добро от койота, которого смертельно боялся.

На пятый день утром старый Обри протрезвился и вспомнил, что он не у себя дома, а его лагерь в горах оставлен им на попечение щенка. Он уже устал от беспробудного пьянства и поэтому сразу оседлал коня и направился в обратный путь. На полдороге в его затуманенной голове мелькнула мысль, что он оставил Чинка без всякой еды.

«Уж, наверное, от грудинки ничего не осталось»,— подумал он и погнал лошадь быстрее. Он доехал до гребня горы и увидел палатку, а у входа, ощетинившись и рыча друг на друга, стояли большой злобный койот и бедный маленький Чинк.

— Ах, чтоб меня! — воскликнул Обри смущенно.— Я же совсем забыл про этого проклятого койота. Бедняге Чинку пришлось туго, и как этот койот еще не разорвал его на куски, да и палатку в придачу.

Да, мужественный Чинк, быть может, в последний раз выдерживал натиск врага. Его ноги дрожали от страха и голода, но он все еще принимал самый воинственный вид и, без сомнения, готов был умереть, защищая свой пост.

Биллу Обри с первого взгляда все стало ясно, а когда он подскакал к палатке и увидел нетронутый мешок с грудинкой, то понял, что Чинк ничего не ел с самого дня его отъезда. Щенок, дрожа от страха и усталости, подполз к нему, заглянул ему в лицо и стал лизать руку, как бы желая сказать: «Я сделал то, что ты мне велел, хозяин». Старик Обри не выдержал: в его глазах стояли слезы, когда он торопливо доставал еду маленькому герою.

Затем он повернулся к нему и сказал:

— Чинк, старый друг, я тебя подвел, а ты меня никогда не подводил, и уж если я отправлюсь погулять, то обязательно возьму тебя с собой. Не знаю, чем тебя порадовать, друг... Вот разве я избавлю тебя от твоего самого большого врага!

Он снял с шеста посреди палатки свою гордость — дорогой магазинный карабин. Не думая о последствиях, он сломал казенную печать и вышел за дверь.

Койот, по обыкновению, сидел невдалеке, скаля зубы в ехидной усмешке. Но прогремел выстрел, и страхи Чинка кончились.

Подоспевшие сторожа обнаружили, что нарушен закон об охране парка, что старый Обри застрелил одного из его диких обитателей. Его карабин был отнят и уничтожен, и он вместе со своим четвероногим другом был позорно изгнан из парка и лишен права вернуться под угрозой тюремного заключения.

Но Билл Обри ни о чем не жалел.

— Ладно! — сказал он.— Должен же я был помочь своему товарищу, который никогда меня не подводил.

15 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Э. Сетон-Томпсон

ЧИНК

Рассказ

ИБ № 9157

Ответственный редактор *Л. П. Серебрякова*. Художественный редактор *Б. А. Дехтерев*. Технический редактор *И. П. Савенкова*. Корректор *Т. А. Нарышкина*. Сдано в набор 05.07.85. Подписано к печати 10.09.85. Формат 60×90 1/8. Бум. офс. № 1. Шрифт таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2. Усл. кр.-отт. 10,0. Уч.-изд. л. 1,56. Тираж 3 000 000 экз. Заказ № 1445. Цена 15 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Сетон-Томпсон Э.

С 33 Чинк: Рассказ/Пер. с англ. Н. Чуковского; Рис. В. Горячева.— М.: Дет. лит., 1986.—16. с., ил.

15 к.

Рассказ известного канадского писателя-натуралиста Сетона-Томпсона (1860—1946) отличают точность наблюдений над жизнью природы и животных, художественная убедительность образов.

С $\frac{4803020000-002}{M101(03)86}$ 518—86 И(Канад)